

30 ВЕЧЕРОВ С НЕМЕЦКИМ

*Двуязычные рассказы для чтения по
одному вечером*

НЕМЕЦКИЙ A2

Александра Панфилова

30 вечеров с немецким

Уровень А2. Двязычные

рассказы для начинающих

<https://litres.ru/74568164>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тридцать вечеров — тридцать историй.

«30 вечеров с немецким» — книга для тех, кто уже знает основы языка и хочет наконец читать настоящие истории, а не упражнения. Каждый рассказ написан простым, естественным немецким уровня А2 — с живыми диалогами, юмором и маленьким сюжетным поворотом. Сначала текст на немецком, сразу за ним — литературный перевод на русский. После каждой истории — короткий словарь с новыми словами и выражениями.

Одна история — один вечер, 10–15 минут чтения. Тридцать вечеров — и вы заметите, что читаете по-немецки дольше и свободнее, чем в начале месяца.

Содержание

Wie man dieses Buch liest / Как читать эту книгу	5
DAY 1	8
Der Abendkurs	8
DAY 2	19
Die Kaffeemaschine	19
DAY 3	29
Zimmer frei	29
DAY 4	40
Ein Paket für Nummer 12	40
DAY 5	50
Die Führerscheinprüfung	50
DAY 6	60
Faschingsdienstag	60
DAY 7	70
Die Buchladenkatze	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Александра Панфилова
30 вечеров с немецким
Уровень А2. Двуязычные
рассказы для начинающих

30 вечеров с немецким

Уровень А2. Двуязычные рассказы для начинающих

Wie man dieses Buch liest / Как читать эту книгу

Dieses Buch hat dreißig Geschichten — eine für jeden Abend in einem Monat. Es ist für Menschen mit ein bisschen Deutsch. Sie möchten jetzt echte Geschichten lesen. Keine Übungen, keine Tabellen. Nur Geschichten: über einen verlorenen Koffer, eine kaputte Kaffeemaschine, zwei Menschen mit demselben Namen und nur einem Hotelzimmer.

В этой книге тридцать историй — по одной на каждый вечер месяца. Она для тех, кто уже немного знает немецкий и теперь хочет читать настоящие истории. Никаких упражнений, никаких таблиц. Только истории: о потерянном чемодане, сломанной кофемашине, двух людях с одним и тем же именем и всего одном номере в гостинице.

Das Deutsch in diesem Buch ist einfach, aber natürlich. Die Personen sprechen wie echte Menschen. Sie erzählen, was sie gestern gemacht haben und was sie morgen machen. Manchmal machen sie Fehler. Sie auch — und das ist ganz normal.

Немецкий в этой книге простой, но естественный. Герои говорят как настоящие люди. Рассказывают, что делали вчера и что будут делать завтра. Иногда они ошибаются. Вы тоже будете ошибаться — и это совершенно нормально.

Jede Geschichte steht zweimal im Buch. Zuerst lesen Sie einen Absatz auf Deutsch, dann denselben Absatz auf Russisch. Der russische Text ist keine Wort-für-Wort-Übersetzung. Er erzählt dieselbe Geschichte in natürlichem Russisch. Lesen Sie zuerst den deutschen Text und verstehen Sie so viel wie möglich. Bleiben Sie nicht bei jedem neuen Wort stehen. Oft verstehen Sie es aus der Geschichte. Dann lesen Sie den russischen Text und prüfen sich selbst.

Каждая история дана в книге дважды. Сначала вы читаете абзац по-немецки, потом тот же абзац по-русски. Русский текст — не дословный перевод. Он рассказывает ту же историю естественным русским языком. Сначала попытайтесь понять немецкий текст. Не останавливайтесь на каждом новом слове — часто его можно понять из самой истории. Потом прочитайте русский текст и проверьте себя.

Nach jeder Geschichte finden Sie eine kurze Liste: **Neue Wörter**. Dort stehen die wichtigsten Wörter aus der Geschichte, mit Artikel und mit Übersetzung. Bei trennbaren Verben sehen Sie ein Beispiel aus dem Text.

После каждой истории вы найдёте короткий список «Новые слова». В нём самые важные слова из текста — с артиклем и переводом. У отделяемых глаголов есть пример из текста.

Eine Geschichte dauert etwa zehn Minuten. Lesen Sie jeden Abend eine, oder am Wochenende zwei, oder eine zweimal. Und

achten Sie auf die erste und die letzte Geschichte: Sie gehören zusammen. Am Ende des Buches verstehen Sie, warum.

Одна история — примерно десять минут чтения. Читайте по одной каждый вечер, или по две на выходных, или одну дважды. И обратите внимание на первую и последнюю истории: они связаны. В конце книги вы поймёте почему.

DAY 1

Der Abendkurs

Ich heiße Nadja. Ich bin vierunddreißig Jahre alt, und vor drei Monaten bin ich mit meinem Mann Mischa aus Russland nach Leipzig gezogen. Mischa hat hier eine Stelle bei einer großen Firma gefunden. Ich habe keine Stelle gefunden. Ich habe viel Regen gefunden und viel Deutsch gehört. Verstanden habe ich es nicht.

Меня зовут Надя. Мне тридцать четыре года, и три месяца назад мы с мужем Мишей переехали из России в Лейпциг. Миша нашёл здесь работу в большой фирме. Я работу не нашла. Я нашла много дождя и много немецкого, которого не понимала.

In der Schule habe ich acht Jahre lang Deutsch gelernt. Ich kannte die Grammatik. Ich kannte alle Artikel — na ja, fast alle. Aber in der Bäckerei an unserer Ecke sagte die Verkäuferin jeden Morgen: „Noch was, meine Gudste?“ Und ich stand nur da und lächelte. Ich verstand kein Wort. Was ist eine „Gudste“?

В школе я восемь лет учила немецкий. Я знала грамматику. Знала все артикли — ну, почти все. Но в булочной у нас на углу продавица каждое утро говорила: «Ещё что-нибудь, майне Гудсте?» А я просто стояла и улыбалась. Я

не понимала ни слова. Что такое «Гудсте»?

„Du brauchst einen Kurs“, sagte Mischa eines Abends. „Mit echten Menschen. Nicht nur Apps auf dem Handy.“

— Тебе нужны курсы, — сказал однажды вечером Миша.
— С живыми людьми. А не только приложения в телефоне.

„Ich bin zu alt für einen Kurs“, sagte ich.

— Я слишком старая для курсов, — сказала я.

„Du bist vierunddreißig“, lachte er. „Das ist nicht alt. Das ist perfekt.“

— Тебе тридцать четыре, — засмеялся он. — Это не старость. Это идеальный возраст.

Also fuhr ich an einem nassen Dienstag im Oktober mit der Straßenbahn zur Volkshochschule. In Deutschland gibt es in fast jeder Stadt eine Volkshochschule. Dort lernen Erwachsene am Abend Sprachen, Kochen, Yoga — fast alles. Mein Kurs begann um sieben. Ich bin schon um sechs von zu Hause losgegangen, weil ich Angst hatte. Natürlich habe ich mich trotzdem verlaufen.

И вот в один мокрый октябрьский вторник я поехала на трамвае в Народную школу — Volkshochschule. В Германии такая школа есть почти в каждом городе. Там взрослые по вечерам учат языки, готовят, занимаются йогой — почти всем. Мой курс начинался в семь. Я вышла из дома уже в шесть, потому что боялась. И конечно, всё равно заблудилась.

Ich bin dreimal dieselbe Straße hoch und runter gelaufen. Die Schule war in einem alten Gebäude zwischen einem Café

und einem Friseur, und das Schild an der Tür war sehr klein. Als ich sie endlich fand, war es zehn nach sieben. Meine Haare waren nass, meine Schuhe waren nass, und mein Herz schlug sehr schnell.

Я трижды прошла туда и обратно по одной и той же улице. Школа оказалась в старом здании между кафе и парикмахерской, а табличка на двери была совсем маленькой. Когда я наконец её нашла, было десять минут восьмого. Волосы мокрые, туфли мокрые, а сердце колотилось как сумасшедшее.

Der Kursraum war im zweiten Stock. Ich öffnete leise die Tür. Acht Leute saßen um einen großen Tisch, und neben der Tafel stand ein großer Mann mit grauem Bart. Alle drehten sich um und sahen mich an.

Класс был на третьем этаже. Я тихо открыла дверь. Восемь человек сидели вокруг большого стола, а у доски стоял высокий мужчина с седой бородой. Все повернулись и посмотрели на меня.

„Hallo! Kommen Sie rein, kommen Sie rein“, sagte der Mann. „Kein Problem, wir haben gerade erst angefangen. Ich bin Jörg Lorenz, Ihr Lehrer. Setzen Sie sich, wo Sie möchten.“

— *Здравствуйте! Заходите, заходите,* — сказал мужчина. — *Ничего страшного, мы только начали. Я Йорг Лоренц, ваш учитель. Садитесь куда хотите.*

Ich sah einen freien Stuhl am Fenster und setzte mich. Dann kam ein junger Mann mit lockigen Haaren zurück in den Raum.

Er sah mich mit großen, traurigen Augen an.

Я увидела свободный стул у окна и села. Тут в класс вернулся молодой человек с кудрявыми волосами. Он посмотрел на меня большими грустными глазами.

„Entschuldigung“, sagte er. „Das ist mein Stuhl. Ich habe nur Wasser geholt.“

— Простите, — сказал он. — Это мой стул. Я просто ходил за водой.

Er hielt einen Plastikbecher hoch. Mein Gesicht wurde heiß und rot. Ich stand so schnell auf, dass meine Tasche auf den Boden fiel. Meine Stifte und mein Handy flogen überallhin. Jemand lachte — nicht böse, aber er lachte.

Он показал пластиковый стаканчик. Лицо у меня стало горячим и красным. Я вскочила так быстро, что сумка упала на пол. Ручки и телефон разлетелись во все стороны. Кто-то засмеялся — не зло, но засмеялся.

„Kein Problem, kein Problem“, sagte der junge Mann und half mir mit den Stiften. „Hier ist noch ein Stuhl, neben mir. Ich bin Lucas. Aus Brasilien.“

— Всё нормально, всё нормально, — сказал молодой человек и помог мне собрать ручки. — Вот ещё стул, рядом со мной. Я Лукас. Из Бразилии.

„Nadja“, sagte ich. „Aus Russland.“ Meine Stimme war sehr leise.

— Надя, — сказала я. — Из России. — Голос у меня был совсем тихий.

Herr Lorenz klatschte in die Hände. „So! Wir fangen mit den Namen an. Sagen Sie bitte Ihren Namen und woher Sie kommen. Und dann buchstabieren Sie bitte Ihren Vornamen. Wer möchte anfangen?“

Господин Лоренц хлопнул в ладоши. — Итак! Начнём с имён. Скажите, пожалуйста, как вас зовут и откуда вы. А потом продиктуйте своё имя по буквам. Кто хочет начать?

Niemand wollte anfangen. Herr Lorenz lächelte und zeigte auf eine Frau mit kurzen blonden Haaren. Sie war ungefähr vierzig und hatte ein Heft mit vielen bunten Aufklebern.

Начинать не хотел никто. Господин Лоренц улыбнулся и показал на женщину с короткими светлыми волосами. Ей было около сорока, и у неё была тетрадь, вся в разноцветных наклейках.

„Ich heiße Kasia“, sagte sie. „Ich komme aus Polen. Ich wohne in Leipzig seit sechs Jahre.“ Sie hielt inne. „Nein. Seit sechs Jahren. Dativ!“

— *Меня зовут Кася, — сказала она. — Я из Польши. Я живу в Лейпциге «seit sechs Jahre».* — *Она остановилась. — Нет. «Seit sechs Jahren». Дательный падеж!*

„Perfekt“, sagte Herr Lorenz. „Und buchstabieren?“

— *Отлично, — сказал господин Лоренц. — А по буквам?*

„K-A-S-I-A“, sagte Kasia und lachte. „Sechs Jahre in Deutschland, und ich vergesse immer noch den Dativ!“

— *K-A-S-I-A, — сказала Кася и засмеялась. — Шесть*

лет в Германии — а я всё ещё забываю про дательный падеж!

Danach kam ein älterer Japaner in einer sehr ordentlichen Jacke. Er hieß Hiro. Er war Ingenieur und schon in Rente, und seine Tochter wohnte mit ihrem deutschen Mann in Leipzig. „Ich möchte mit meinem Enkel sprechen“, sagte er langsam. „Er ist vier. Sein Deutsch ist besser als mein Deutsch.“

Следующим был пожилой японец в очень аккуратном пиджаке. Его звали Хиро. Он был инженером на пенсии, а его дочь жила в Лейпциге с мужем-немцем. — Я хочу разговаривать со своим внуком, — медленно сказал он. — Ему четыре. Его немецкий лучше, чем мой немецкий.

Alle lachten, und Hiro lächelte auch. Dann war Lucas dran. Er sprach schnell, und seine Hände waren immer in Bewegung. Er war fünfundzwanzig, arbeitete in einer Restaurantküche und liebte Fußball, Musik und — er zwinkerte — den deutschen Regen. „In São Paulo ist es immer heiß. Hier kann ich endlich meinen Pullover tragen!“

Все засмеялись, и Хиро тоже улыбнулся. Потом была очередь Лукаса. Он говорил быстро и много жестикулировал. Ему было двадцать пять, он работал на кухне ресторана и обожал футбол, музыку и — тут он подмигнул — немецкий дождь. — В Сан-Паулу всегда жарко. А здесь я наконец могу носить свитер!

Dann sahen alle mich an.

Потом все посмотрели на меня.

Ich kannte die Wörter. Ich habe sie in der Straßenbahn geübt. „Ich heiße Nadja. Ich komme aus Russland.“ Ganz einfach. Aber plötzlich war mein Mund trocken, und mein Name klang leise und komisch.

Я знала слова. Я репетировала их в трамвае. «Меня зовут Надя. Я из России». Совсем просто. Но во рту вдруг пересохло, и моё имя прозвучало тихо и странно.

„Und buchstabieren?“, fragte Herr Lorenz freundlich.

— *А по буквам?* — *дружески спросил господин Лоренц.*

„N“, sagte ich. „A. D...“ Und dann kam der letzte Buchstabe. In meinem Kopf war das kein deutscher Buchstabe. Es war ein russischer: „Я“. Also sagte ich laut: „Я!“

— *N, — сказала я. — A. D... — И тут дошла очередь до последней буквы. У меня в голове это была не немецкая буква. Это была русская: «Я». И я громко сказала: — Я!*

Herr Lorenz sah mich freundlich an. „Ja?“, fragte er.

Господин Лоренц дружески посмотрел на меня. — Ja? — спросил он. («Да?»)

„Nein“, sagte ich. „Я!“

— *Нет, — сказала я. — Я!*

„Ja... was?“

— *Да... что?*

„Я!“

— *Я!*

Lucas kicherte. Dann Kasia. Dann ich. Auf Russisch ist „Я“ ein Buchstabe — und auf Deutsch klingt er wie „ja“. Ich erklärte

das, und bald lachte der ganze Kurs. Herr Lorenz schrieb meinen Namen groß und blau an die Tafel: N-A-D-J-A. „Jott und A“, sagte er. „Auf Deutsch sind es zwei Buchstaben. Aber Ihr ‚Я‘ gefällt mir besser.“

Лукас захихикал. Потом Кася. Потом я. По-русски «Я» — это буква, а по-немецки она звучит как «ja», «да». Я объяснила это, и скоро смеялся весь класс. Господин Лоренц написал моё имя на доске большими синими буквами: N-A-D-J-A. — «Йот» и «А», — сказал он. — По-немецки это две буквы. Но ваше «Я» мне нравится больше.

In der nächsten Stunde sprachen wir zu zweit. Ich sprach mit Kasia über unser Lieblingessen. Sie erzählte von den Piroggen ihrer Mutter, und ich erzählte von den Pelmeni meiner Großmutter. „Das ist dasselbe!“, sagte Kasia. „Fast dasselbe“, sagte ich. Es war mein erstes echtes Gespräch auf Deutsch in Leipzig — und es war über Teigtaschen.

Следующий час мы разговаривали в парах. Я разговаривала с Касей о любимой еде. Она рассказала о маминых пирогах — так в Польше называют вареники, — а я о бабушкиных пельменях. — Это одно и то же! — сказала Кася. — Почти одно и то же, — сказала я. Это был мой первый настоящий разговор по-немецки в Лейпциге — и он был о пельменях.

Alle machten Fehler. Lucas sagte viermal „die Tisch“. Hiro sagte „er“ über seine Frau und „sie“ über seinen Enkel. Kasia vergaß den Dativ schon wieder. Und nichts Schlimmes passierte.

Niemandem war es peinlich. Langsam wurde mein Herz ruhig.

Ошибались все. Лукас четыре раза сказал «die Tisch». Хиро говорил «он» о жене и «она» о внуке. Кася снова забыла про дательный падеж. И ничего страшного не случилось. Никто даже не смутился. Постепенно моё сердце успокоилось.

Um neun stand Herr Lorenz auf. „Noch etwas“, sagte er. „Hausaufgaben. Aber nicht für nächste Woche. Diese Hausaufgabe ist für den ganzen Kurs.“

В девять господин Лоренц встал. — И ещё одно, — сказал он. — Домашнее задание. Но не на следующую неделю. Это задание на весь курс.

Alle stöhnten.

Все застонали.

„Unser Kurs dauert zehn Wochen“, sagte er. „In der letzten Stunde erzählt jeder von Ihnen eine Geschichte. Eine echte Geschichte aus Ihrem Leben. Fünf Minuten. Auf Deutsch. Ohne Zettel.“

— Наш курс длится десять недель, — сказал он. — На последнем занятии каждый из вас расскажет историю. Настоящую историю из своей жизни. Пять минут. По-немецки. Без бумажки.

Fünf Minuten! Ich konnte nicht einmal meinen Namen buchstabieren. Wie sollte ich fünf Minuten sprechen?

Пять минут! Я не смогла даже продиктовать своё имя. Как я буду говорить пять минут?

„Keine Angst“, sagte Herr Lorenz und sah mich an. „Zehn Wochen sind eine lange Zeit. Sie schaffen das.“

— *Не бойтесь, — сказал господин Лоренц и посмотрел на меня. — Десять недель — это долго. Вы справитесь.*

Draußen regnete es immer noch. Lucas öffnete einen großen Regenschirm und brachte mich zur Haltestelle. „Bis nächsten Dienstag, Nadja“, sagte er. „Und nimm nicht meinen Stuhl!“

На улице всё ещё шёл дождь. Лукас раскрыл большой зонт и проводил меня до остановки. — До следующего вторника, Надя, — сказал он. — И не занимай мой стул!

Ich lachte. Es war ein echtes Lachen, das erste an diesem Abend.

Я засмеялась. По-настоящему — впервые за весь вечер.

In der Straßenbahn sah ich auf die dunklen, nassen Straßen von Leipzig. Zehn Wochen. Eine Geschichte. Fünf Minuten auf Deutsch. Ich hatte keine Ahnung, was meine Geschichte sein sollte. Aber zum ersten Mal seit drei Monaten wollte ich es herausfinden.

В трамвае я смотрела на тёмные мокрые улицы Лейпцига. Десять недель. Одна история. Пять минут по-немецки. Я понятия не имела, о чём будет моя история. Но впервые за три месяца мне захотелось это узнать.

Neue Wörter / Новые слова

die Volkshochschule (VHS) — Народная школа, курсы для взрослых

sich verlaufen (ich habe mich verlaufen) — заблудиться
(пешком)

das Schild — табличка, вывеска

die Tafel — (классная) доска

buchstabieren — произносить по буквам

in Rente sein — быть на пенсии

ordentlich — аккуратный

dran sein (Lucas war dran) — быть на очереди

zwinkern — подмигивать

kichern — хихикать

die Hausaufgabe, -n — домашнее задание

ohne Zettel — без бумажки

herausfinden (ich finde es heraus) — выяснить, узнать

DAY 2

Die Kaffeemaschine

Jeder Morgen im Büro der Firma „Sonnenseite“ in Hamburg beginnt gleich. Um halb neun kommen die Leute mit nassen Jacken und müden Gesichtern. Sie sagen „Moin“ und sehen dabei nicht hoch. Und dann gehen sie einer nach dem anderen in die Küche und stellen sich vor die große silberne Kaffeemaschine.

Каждое утро в офисе фирмы «Зоннензайте» в Гамбурге начинается одинаково. В половине девятого приходят люди — в мокрых куртках и с усталыми лицами. Они говорят «Мойн», не поднимая глаз. А потом один за другим идут на кухню и встают перед большой серебристой кофемашиной.

Die Kaffeemaschine ist das Wichtigste im ganzen Büro. Sie ist wichtiger als die Computer. Sie ist wichtiger als die Chefin. Alle wissen das, aber niemand sagt es.

Кофемашина — самая важная вещь во всём офисе. Важнее компьютеров. Важнее начальницы. Все это знают, но никто не говорит вслух.

Am Montagmorgen war Gerd aus dem Vertrieb als Erster in der Küche. Er stellte seine Tasse unter die Maschine und drückte auf den großen grünen Knopf. Die Maschine machte ein komisches Geräusch — wie ein alter Mann mit starkem Husten.

Dann war sie still. Ein kleines rotes Licht blinkte.

В понедельник утром первым на кухню пришёл Герд из отдела продаж. Он поставил чашку под кофемашину и нажал на большую зелёную кнопку. Машина издала странный звук — как старик с сильным кашлем. Потом затихла. Замигала маленькая красная лампочка.

„Nein“, sagte Gerd. „Nein, nein, nein.“ Er drückte noch einmal. Nichts. Er drückte noch fünfmal. Immer noch nichts.

— *Нет, — сказал Герд. — Нет, нет, нет. — Он нажал ещё раз. Ничего. Нажал ещё пять раз. По-прежнему ничего.*

„Was ist los?“, fragte Meike aus der Buchhaltung. Sie stand mit ihrer rosa Tasse hinter ihm.

— *Что случилось? — спросила Майке из бухгалтерии. Она стояла за ним со своей розовой чашкой.*

„Kaputt“, sagte Gerd. Seine Stimme war sehr ernst, wie bei einem Arzt mit schlechten Nachrichten.

— *Сломалась, — сказал Герд. Голос у него был очень серьёзный, как у врача с плохими новостями.*

Zehn Minuten später stand das ganze Büro in der Küche. Zwölf Menschen sahen die silberne Maschine an, und die silberne Maschine sah mit ihrem kleinen roten Licht zurück.

Через десять минут на кухне стоял весь офис. Двенадцать человек смотрели на серебристую машину, а серебристая машина смотрела на них своей маленькой красной лампочкой.

„Vielleicht braucht sie Wasser“, sagte Martin aus der IT. Er

öffnete den Wassertank. Er war voll.

— *Может, ей нужна вода, — сказал Мартин из IT-отдела. Он открыл бак для воды. Тот был полон.*

„Vielleicht braucht sie Bohnen“, sagte Meike. Aber die Bohnen waren auch da.

— *Может, ей нужны зёрна, — сказала Майке. Но зёрна тоже были на месте.*

„Vielleicht braucht sie Urlaub“, sagte jemand hinten. Ein paar Leute lachten — aber nicht Gerd. Gerd lachte nie vor dem ersten Kaffee.

— *Может, ей нужен отпуск, — сказал кто-то сзади. Несколько человек засмеялись — но не Герд. Герд никогда не смеялся до первой чашки кофе.*

In der Ecke, neben dem Kühlschrank, stand Finn. Er war einundzwanzig und der neue Praktikant. Er war erst seit drei Wochen bei „Sonnenseite“. Er war sehr ruhig und ein bisschen schüchtern. Jeden Tag trug er denselben grauen Pullover, und die anderen nannten ihn heimlich „den Kleinen“. Meistens vergaßen sie, dass er überhaupt da war.

В углу, у холодильника, стоял Финн. Ему был двадцать один год, он был новым практикантом и работал в «Зоннензайте» всего три недели. Очень тихий и немного застенчивый парень. Каждый день он носил один и тот же серый свитер, и за глаза все называли его «мальши». Чаще всего о нём просто забывали.

Finn öffnete den Mund. „Ähm, ich glaube...“, sagte er.

Финн открыл рот. — Э-э, мне кажется... — начал он.

Aber in diesem Moment ging die Tür auf, und Frau Diekmann kam herein. Frau Diekmann war die Chefin. Sie war groß, sie ging schnell, und sie hatte immer einen Plan.

Но в этот момент открылась дверь, и вошла фрау Дикман. Фрау Дикман была начальницей. Высокая, быстрая, и у неё всегда был план.

„Was ist hier los?“, fragte sie. „Warum sitzt niemand am Schreibtisch?“

— *Что здесь происходит? — спросила она. — Почему никто не сидит за столом?*

„Die Kaffeemaschine ist kaputt“, sagte Gerd.

— *Кофемашина сломалась, — сказал Герд.*

Frau Diekmann sah die Maschine an. Dann sah sie ihr Team an. „Gut“, sagte sie. „Um zehn haben wir ein Meeting mit einem wichtigen Kunden. Alle gehen jetzt bitte arbeiten. Wir überleben einen Morgen ohne Kaffee.“

Фрау Дикман посмотрела на машину. Потом на свою команду. — Ладно, — сказала она. — В десять у нас встреча с важным клиентом. Пожалуйста, все идите работать. Одно утро можно прожить без кофе.

Alle gingen an ihre Schreibtische. Aber niemand arbeitete.

Все разошлись по своим столам. Но работать не стал никто.

Gerd sah zwanzig Minuten auf seinen Bildschirm und schrieb kein einziges Wort. Meike beantwortete dreimal dieselbe E-

Mail. Martin schlief mit dem Kopf auf der Hand ein, und seine Tastatur schrieb „jjjjjjjjjjjj“ in ein sehr wichtiges Dokument. Um halb zehn sprach jemand über das Café an der Ecke — aber es regnete stark, und montags gibt es dort immer eine lange Schlange.

Герд двадцать минут смотрел в экран и не напечатал ни слова. Майке три раза ответила на одно и то же письмо. Мартин уснул, подперев голову рукой, и его клавиатура напечатала «oooooooooooo» в очень важном документе. В половине десятого кто-то заговорил о кафе на углу — но шёл сильный дождь, а по понедельникам там всегда длинная очередь.

„Ich kann nicht denken“, sagte Gerd laut. „Mein Gehirn ist aus. Ich brauche Kaffee, oder ich gehe nach Hause.“

— *Я не могу думать, — громко сказал Герд. — У меня мозг выключен. Мне нужен кофе, иначе я уйду домой.*

Um Viertel vor zehn kam Frau Diekmann aus ihrem Büro. In der Hand hatte sie die Bedienungsanleitung der Kaffeemaschine. Die Anleitung war sehr dick.

Без пятнадцати десять фрау Дикман вышла из своего кабинета. В руке у неё была инструкция к кофемашине. Очень толстая.

„Okay“, sagte sie. „Ich repariere sie selbst. Wie schwer kann das sein?“

— *Ладно, — сказала она. — Я сама её починю. Насколько это может быть сложно?*

Sie ging in die Küche, und alle gingen hinter ihr her. Frau Diekmann öffnete die Anleitung. „Seite siebenundvierzig“, las sie laut. „Blinkt die rote Anzeige, so ist der Tresterbehälter zu leeren.“ Sie sah hoch. „Der... was?“

Она пошла на кухню, и все пошли за ней. Фрау Дикман открыла инструкцию. — Страница сорок семь, — прочитала она вслух. — «При мигании красного индикатора следует опорожнить трестербехельтер». — Она подняла глаза. — Что следует опорожнить?

Niemand wusste es. Gerd sagte: „Trester? Ist das nicht Wein?“ Martin suchte das Wort im Internet, aber an diesem Morgen war auch das Internet langsam.

Никто не знал. Герд сказал: — Трестер? Это же что-то винное? Мартин стал искать слово в интернете, но в то утро и интернет работал медленно.

Frau Diekmann drückte auf den grünen Knopf. Sie drückte auf den roten Knopf. Sie drückte beide Knöpfe zusammen. Sie schlug mit der Hand gegen die Seite der Maschine — nicht sehr fest, aber fest genug. Die Maschine hustete wieder, und dann lief ein bisschen braunes Wasser auf den Boden.

Фрау Дикман нажала зелёную кнопку. Нажала красную. Нажала обе сразу. Хлопнула машину ладонью по боку — не очень сильно, но ощутимо. Машина снова закашляла, и на пол вытекло немного коричневой воды.

„Oh je“, sagte Meike.

— Ой-ой, — сказала Майке.

„Ich rufe den Service an“, sagte Frau Diekmann. Sie sah auf die Uhr. „Aber der Kunde kommt in fünfzehn Minuten.“

— *Позвоню в сервис, — сказала фрау Дикман. Она посмотрела на часы. — Но клиент придёт через пятнадцать минут.*

Da kam eine leise Stimme aus der Ecke.

И тут из угла раздался тихий голос.

„Entschuldigung. Darf ich es mal versuchen?“

— *Простите. Можно я попробую?*

Alle drehten sich um. Finn stand neben dem Kühlschrank. Sein Gesicht war ein bisschen rot.

Все обернулись. Финн стоял у холодильника. Лицо у него слегка покраснело.

„Du?“, sagte Gerd.

— *Ты? — сказал Герд.*

„Mein Vater hat ein Café“, sagte Finn. „In Lüneburg. Er hat genau dieselbe Maschine. Ich habe in allen Sommerferien dort gearbeitet. Sie geht ständig kaputt.“

— *У моего папы кафе, — сказал Финн. — В Люнебурге. У него точно такая же машина. Я каждые летние каникулы там работал. Она постоянно ломается.*

Frau Diekmann sah ihn eine Sekunde an. Dann gab sie ihm die Anleitung.

Фрау Дикман секунду смотрела на него. Потом протянула ему инструкцию.

Finn öffnete die Anleitung nicht. Er ging zur Maschine,

öffnete hinten eine kleine Tür und zog einen kleinen Metallkasten heraus. Er war voll mit altem, nassem Kaffeesatz. Finn leerte ihn in den Müll, spülte ihn im Waschbecken und schob ihn zurück. Dann drückte er drei Sekunden lang zwei Knöpfe zusammen und wartete.

Финн не стал открывать инструкцию. Он подошёл к машине, открыл сзади маленькую дверцу и вытащил небольшой металлический контейнер. Он был полон старой мокрой кофейной гущи. Финн встряхнул её в мусорное ведро, промыл контейнер в раковине и задвинул обратно. Потом зажал две кнопки на три секунды и стал ждать.

Das rote Licht blinkte nicht mehr. Es wurde grün. Die Maschine machte ein fröhliches kleines Geräusch, und der wunderbare Duft von frischem Kaffee füllte die Küche.

Красная лампочка перестала мигать. Она стала зелёной. Машина издала радостный звук, и кухню наполнил чудесный запах свежего кофе.

Einen Moment lang sagte niemand etwas. Dann klatschte Gerd. Meike klatschte auch, dann Martin, dann alle. Finn sah auf den Boden, aber er lächelte.

Секунду никто ничего не говорил. Потом Герд начал хлопать. Захлопала Майке, за ней Мартин, а потом и все остальные. Финн смотрел в пол, но улыбался.

„Wie hast du das gemacht?“, fragte Frau Diekmann.

— Как ты это сделал? — спросила фрау Дикман.

„Das ist der Tresterbehälter“, sagte Finn und zeigte auf den

kleinen Kasten. „Der Kasten für den alten Kaffee. Wenn er voll ist, stoppt die Maschine. Steht auf Seite siebenundvierzig.“ Er lächelte schüchtern. „Aber das Wort versteht kein Mensch.“

— *Это и есть трестербехельтер, — сказал Финн и показал на маленький контейнер. — Контейнер для старого кофе. Когда он полный, машина останавливается. Это написано на странице сорок семь. — Он застенчиво улыбнулся. — Только это слово никто на свете не понимает.*

Alle lachten. Gerd machte den ersten Kaffee — und gab ihn Finn. „Du zuerst“, sagte er. „Den hast du dir verdient.“

Все рассмеялись. Герд сделал первую чашку кофе — и отдал её Финну. — Ты первый, — сказал он. — Ты его заслужил.

Das Meeting mit dem Kunden lief sehr gut. Alle waren wach, alle hatten Ideen, und Gerd war sogar höflich.

Встреча с клиентом прошла отлично. Все были бодры, у всех были идеи, а Герд даже был вежлив.

Am nächsten Morgen hing ein neues Schild an der Kaffeemaschine. Jemand schrieb groß und schwarz darauf: „PROBLEME? FRAG FINN.“ Und darunter, kleiner: „(Er kennt das Wort.)“

На следующее утро на кофемашине висела новая табличка. Кто-то написал на ней крупными чёрными буквами: «ПРОБЛЕМЫ? СПРОСИ ФИННА». А ниже, помельче: «(Он знает то слово.)»

Und von diesem Tag an nannte ihn niemand im Büro mehr

„den Kleinen“.

И с того дня никто в офисе больше не называл его «малышом».

Neue Wörter / Новые слова

Moin! — привет! (приветствие на севере Германии)

drücken (auf den Knopf) — нажимать (на кнопку)

blinken — мигать

der Praktikant, -en — практикант, стажёр

schüchtern — застенчивый

die Schlange — очередь (и змея)

die Bedienungsanleitung — инструкция по эксплуатации

reparieren — чинить

der Kaffeesatz — кофейная гуща

leeren — опорожнять, вытряхивать

klatschen — хлопать (в ладоши)

Den hast du dir verdient. — Ты его заслужил.

DAY 3

Zimmer frei

Die Anzeige im Internet war kurz: „Zimmer frei. Ruhiges Haus in Heidelberg, mit Garten. Nur für ernsthafte Studenten. Keine Haustiere, keine Partys, kein Unsinn.“

Объявление в интернете было коротким: «Сдаётся комната. Тихий дом в Гейдельберге, с садом. Только для серьёзных студентов. Без животных, без вечеринок, без глупостей».

Ole las sie dreimal. Er war dreiundzwanzig, er machte einen Master in Geschichte, und er hatte sehr wenig Geld. Das Zimmer war billig — viel billiger als alle anderen. „Kein Unsinn“, sagte er zu sich selbst. „Das kann ich.“

Оле перечитал его три раза. Ему было двадцать три, он учился в магистратуре по истории, и денег у него было очень мало. Комната была дешёвой — гораздо дешевле всех остальных. «Без глупостей, — сказал он себе. — Это я смогу».

Das Haus war hoch und alt, mit einer grünen Tür und vielen Rosen im Vorgarten. Eine kleine Frau mit weißen Haaren und einem sehr geraden Rücken öffnete die Tür. Sie sah Ole langsam an, von den Schuhen bis zu den Haaren — wie eine Lehrerin bei

einer Hausaufgabe.

Дом был высокий и старый, с зелёной дверью и множеством роз в палисаднике. Дверь открыла маленькая седая женщина с очень прямой спиной. Она медленно оглядела Оле с ботинок до макушки — как учительница, проверяющая домашнее задание.

„Herr Ole Krüger?“, sagte sie. „Ich bin Frau Pfennig. Sie sind vier Minuten zu spät.“

— *Господин Оле Крюгер? — сказала она. — Я фрау Пфенниг. Вы опоздали на четыре минуты.*

„Entschuldigung“, sagte Ole. „Der Bus...“

— *Простите, — сказал Оле. — Автобус...*

„Schuhe aus, bitte“, sagte Frau Pfennig und ging ins Haus.

— *Обувь снимите, пожалуйста, — сказала фрау Пфенниг и ушла в дом.*

Das Zimmer war ganz oben. Es war klein, aber hell, mit einem großen Fenster, einem Bett, einem Schreibtisch und einem alten Sessel. Vom Fenster aus sah Ole den Garten, den Fluss und weit hinten das alte Schloss. Er liebte es sofort.

Комната была на самом верху. Маленькая, но светлая: большое окно, кровать, письменный стол и старое кресло. Из окна Оле видел сад, реку, а вдали — старый замок. Он сразу влюбился в эту комнату.

„Ich nehme es“, sagte er.

— *Беру, — сказал он.*

„Nicht so schnell“, sagte Frau Pfennig. Sie nahm ein Blatt

Papier aus der Tasche. „Zuerst müssen Sie die Hausordnung lesen.“

— *Не так быстро, — сказала фрау Пфенниг. Она достала из кармана листок бумаги. — Сначала вы должны прочитать распорядок дома.*

Die Hausordnung hatte zwanzig Regeln. Frau Pfennig schrieb sie auf einer alten Schreibmaschine, und unter einige Regeln machte sie zwei Striche. Ole las:

В распорядке было двадцать правил. Фрау Пфенниг напечатала их на старой пишущей машинке, а некоторые подчеркнула дважды. Оле прочитал:

Regel 1: Schuhe an der Tür ausziehen.

Regel 4: Im Bad nicht singen.

Regel 7: Kaffee und Kuchen um 15 Uhr. Nicht um 15:05 Uhr.

Regel 9: Das Klavier nicht anfassen.

Regel 11: Mittagsruhe von 13 bis 15 Uhr.

Regel 15: Kein Besuch nach 21 Uhr.

Regel 20: Licht aus um 23 Uhr.

Правило 1: Обувь снимать у двери.

Правило 4: В ванной не петь.

Правило 7: Кофе с пирогом — в 15:00. Не в 15:05.

Правило 9: Не трогать пианино.

Правило 11: Тихий час с 13 до 15.

Правило 15: Никаких гостей после 21:00.

Правило 20: Свет гасить в 23:00.

„Warum darf ich im Bad nicht singen?“, fragte Ole.

— *А почему мне нельзя петь в ванной?* — спросил Оле.

„Weil die Wände dünn sind und die meisten Menschen schlecht singen“, sagte Frau Pfennig. „Singen Sie gut, Herr Krüger?“

— *Потому что стены тонкие, а большинство людей поёт плохо,* — сказала фрау Пфенниг. — *Вы хорошо поёте, господин Крюгер?*

„Nein“, sagte Ole ehrlich.

— *Нет,* — честно ответил Оле.

„Dann ist Regel vier eine gute Regel.“

— *Значит, четвёртое правило — хорошее правило.*

Ole unterschrieb. Am selben Abend zog er mit zwei Koffern und einem Karton Bücher ein.

Оле расписался. В тот же вечер он въехал с двумя чемоданами и коробкой книг.

Die ersten Wochen waren nicht leicht. Um genau dreiundzwanzig Uhr machte Frau Pfennig im ganzen Haus das Licht aus, und Ole ging oft im Dunkeln die Treppe hoch. In der Mittagsruhe durfte er nicht duschen, nicht Musik hören und nicht laut lachen. Einmal nieste er um zwei Uhr nachmittags. Frau Pfennig klopfte sofort an seine Tür.

Первые недели дались нелегко. Ровно в одиннадцать вечера фрау Пфенниг выключала свет во всём доме, и Оле часто поднимался по лестнице в темноте. В тихий час нельзя было принимать душ, слушать музыку и громко смеяться. Однажды он чихнул в два часа дня. Фрау Пфенниг тут же

постучала к нему в дверь.

Jeden Tag um fünfzehn Uhr klopfte sie wieder. Dann tranken sie Kaffee in der Küche, an einem kleinen Tisch mit einer weißen Decke, und aßen ein Stück Kuchen. Sie fragte ihn nach seinem Studium. Er erzählte von der Geschichte Heidelbergs. Sie hörte zu und sagte dann: „Nein, Herr Krüger. Das war 1693, nicht 1694.“ Und sie hatte immer recht.

Каждый день в три часа она стучала снова. Тогда они пили кофе на кухне, за маленьким столиком с белой скатертью, и ели по куску пирога. Она расспрашивала его об учёбе. Он рассказывал об истории Гейдельберга. Она слушала, а потом говорила: «Нет, господин Крюгер. Это было в 1693 году, а не в 1694-м». И всегда оказывалась права.

Im Oktober ging ihr altes Radio kaputt. Frau Pfennig hörte jeden Morgen die Nachrichten im Radio, und ohne Radio war die Küche sehr still. Ole sah sich das Radio an. Innen war ein kleines Kabel lose. Nach fünf Minuten funktionierte es wieder.

В октябре сломалось её старое радио. Каждое утро фрау Пфенниг слушала по нему новости, и без радио на кухне стало очень тихо. Оле решил взглянуть на приёмник. Внутри отошёл маленький проводок. Через пять минут радио снова работало.

Am nächsten Tag klopfte um fünfzehn Uhr niemand. Ole kam um zehn nach drei ein bisschen nervös in die Küche. Frau Pfennig saß am Tisch, mit zwei Tassen und einem ganzen Apfelkuchen.

На следующий день в три часа никто не постучал. Оле в десять минут четвёртого немного встревоженно спустился на кухню. Фрау Пфенниг сидела за столом с двумя чашками и целым яблочным пирогом.

„Sie sind zu spät“, sagte sie. Dann lächelte sie — zum ersten Mal. „Egal. Regel sieben ist... flexibel.“

— *Вы опоздали, — сказала она. И впервые улыбнулась. — Неважно. Седьмое правило... гибкое.*

Im November kam Ole einmal früh nach Hause. Das Haus war leer. Im Wohnzimmer stand das alte schwarze Klavier. Der Deckel war offen. Ole dachte an seine Klavierstunden als Kind. Er setzte sich und spielte ein paar Töne — ganz leise.

В ноябре Оле однажды вернулся домой рано. Дом был пуст. В гостиной стояло старое чёрное пианино. Крышка была открыта. Оле вспомнил уроки музыки, которые брал в детстве. Он сел и сыграл несколько нот — совсем тихо.

„Das war das Klavier von meinem Mann“, sagte eine Stimme hinter ihm.

— *Это было пианино моего мужа, — раздался голос у него за спиной.*

Ole sprang auf. Frau Pfennig stand mit ihren Einkaufstaschen in der Tür.

Оле вскочил. В дверях стояла фрау Пфенниг с сумками из магазина.

„Es tut mir so leid“, sagte er. „Regel neun. Ich weiß.“

— *Простите, пожалуйста, — сказал он. — Девятое*

правило. Я знаю.

Frau Pfennig sah lange das Klavier an. „Harald hat jeden Abend gespielt“, sagte sie leise. „Seit sechs Jahren hat niemand mehr darauf gespielt.“ Dann setzte sie sich in den Sessel. „Na? Nicht aufhören. Spielen Sie etwas.“

Фрау Пфенниг долго смотрела на пианино. — Харальд играл каждый вечер, — тихо сказала она. — Уже шесть лет на нём никто не играл. — Потом она села в кресло. — Ну? Не останавливайтесь. Сыграйте что-нибудь.

Ole spielte schlecht. Er vergaß die Hälfte der Töne. Aber Frau Pfennig schloss die Augen und hörte zu, und am Ende lachte sie. „Furchtbar“, sagte sie. „Wirklich furchtbar. Noch einmal, bitte.“

Оле играл плохо. Он забыл половину нот. Но фрау Пфенниг закрыла глаза и слушала, а в конце засмеялась. — Ужасно, — сказала она. — Совершенно ужасно. Ещё раз, пожалуйста.

Im Dezember bekam Ole eine schlimme Erkältung. Drei Tage lag er im Bett, mit roter Nase und schrecklichen Kopfschmerzen. Am ersten Nachmittag klopfte es an der Tür. Frau Pfennig kam mit einem Tablett herein. Darauf stand eine große Schüssel Hühnersuppe.

В декабре Оле сильно простудился. Три дня он пролежал в постели с красным носом и жуткой головной болью. В первый же день в дверь постучали. Вошла фрау Пфенниг с подносом. На подносе стояла большая миска куриного супа.

„Mittagsruhe“, sagte Ole schwach. „Es ist erst halb drei.“

— *Тихий час,* — *слабым голосом* сказал Оле. — *Сейчас только половина третьего.*

„Für kranke Menschen gibt es keine Regeln“, sagte Frau Pfennig. „Essen Sie alles auf.“

— *Для больных правил нет,* — *сказала ффрау Пфенниг.* — *Съешьте всё до конца.*

Zu Silvester kamen drei Freunde von Ole zu Besuch. Sie kamen um halb neun, und Ole sah nervös auf die Uhr. Um neun kam Frau Pfennig ins Wohnzimmer. Seine Freunde wurden still.

На Новый год к Оле пришли трое друзей. Они пришли в половине девятого, и Оле нервно поглядывал на часы. В девять в гостиную вошла ффрау Пфенниг. Друзья Оле замолчали.

„Spielt hier jemand Karten?“, fragte sie.

— *Кто-нибудь здесь играет в карты?* — *спросила она.*

Sie spielten bis nach Mitternacht. Frau Pfennig gewann jedes Spiel. Um dreiundzwanzig Uhr machte niemand das Licht aus — und um zwölf standen sie alle zusammen im Garten und sahen das Feuerwerk über dem Schloss.

Они играли до полуночи и даже дольше. Ффрау Пфенниг выиграла все партии. В одиннадцать вечера свет никто не выключил — а в двенадцать все вместе стояли в саду и смотрели на фейерверк над замком.

Der Winter wurde zum Frühling. Die Rosen im Vorgarten wuchsen wieder. An einem Sonntagmorgen im April wachte Ole früh auf, weil er ein komisches Geräusch hörte. Jemand sang. Laut. Schlecht. Im Bad.

Зима сменилась весной. Розы в палисаднике снова пошли в рост. Однажды воскресным утром в апреле Оле проснулся рано, потому что слышал странный звук. Кто-то пел. Громко. Плохо. В ванной.

Er ging die Treppe hinunter. Die Badezimmertür ging auf, und Frau Pfennig kam heraus, in einem blauen Bademantel und mit einem Handtuch auf dem Kopf.

Он спустился по лестнице. Дверь ванной открылась, и вышла фрау Пфенниг в синем халате, с полотенцем на голове.

„Frau Pfennig“, sagte Ole. „Regel vier!“

— Фрау Пфенниг, — сказал Оле. — Четвёртое правило!

„Ich singe jetzt in einem Chor“, sagte sie. „Im Dezember haben wir ein Konzert, und ich muss üben. Die Wände sind dünn, Herr Krüger. Daran müssen Sie sich gewöhnen.“

— Я теперь пою в хоре, — сказала она. — В декабре у нас концерт, и мне нужно репетировать. Стены тонкие, господин Крюгер. Вам придётся привыкнуть.

Am Nachmittag sah Ole die Hausordnung am Kühlschrank an. Durch Regel vier ging ein Strich. Und durch Regel sieben. Und durch neun, elf, fünfzehn und zwanzig. Eigentlich ging durch jede Regel ein Strich — durch jede Regel bis auf eine.

Днём Оле посмотрел на распорядок на холодильнике. Кто-то зачеркнул четвёртое правило. И седьмое. И девятое, одиннадцатое, пятнадцатое и двадцатое. Вообще-то были зачёркнуты все правила — все, кроме одного.

Regel 1: Schuhe an der Tür ausziehen.

Правило 1: Обувь снимать у двери.

„Warum steht diese Regel noch da?“, fragte Ole um fünfzehn Uhr, bei Kaffee und Kuchen.

— *А почему это правило осталось? — спросил Ole в три часа за кофе с пирогом.*

Frau Pfennig sah ihn über ihre Tasse an. „Manche Regeln sind wichtig, Ole“, sagte sie. „Der Teppich ist sehr alt.“

Фрау Пфенниг посмотрела на него поверх чаши. — Некоторые правила важны, Оле, — сказала она. — Ковёр очень старый.

Es war das erste Mal, dass sie ihn mit dem Vornamen ansprach.

Впервые она назвала его по имени.

Neue Wörter / Новые слова

die Anzeige, -n — объявление

der Unsinn — глупости, чепуха

die Hausordnung — правила дома, распорядок

die Regel, -n — правило

die Mittagsruhe — тихий час (обычно 13–15)

einziehen (er zieht ein) — въезжать, вселяться

niesen (er hat geniest) — чихать

lose — болтающийся, отошедший

die Erkältung — простуда

das Tablett — поднос

der Strich, -e — черта (ein Strich durch ... — зачёркива-

ние)

sich gewöhnen an (+ Akk.) — привыкать к

DAY 4

Ein Paket für Nummer 12

Hanna wohnt seit drei Jahren in der Lindenstraße in Bremen. Sie arbeitet von zu Hause — sie ist Grafikdesignerin — und sie kennt ihre Straße sehr gut. Sie kennt das rote Auto vor Nummer 7, den lauten Hund aus Nummer 15, den schönen Garten vor Nummer 3. Aber die Menschen kennt sie nicht. In drei Jahren hat sie mit keinem Nachbarn richtig gesprochen.

Ханна уже три года живёт на Линденштрассе в Бремене. Она работает из дома — она графический дизайнер — и очень хорошо знает свою улицу. Она знает красную машину у дома № 7, шумную собаку из дома № 15, красивый сад у дома № 3. Но людей она не знает. За три года она ни с кем из соседей толком не поговорила.

Am Donnerstagnachmittag klingelte es. Als Hanna die Tür öffnete, war niemand da — nur ein großer brauner Karton auf der Treppe. Ein Lieferwagen fuhr schnell weg.

В четверг днём позвонили в дверь. Когда Ханна открыла, там никого не было — только большая коричневая коробка на крыльце. Фургон доставки быстро уезжал.

„Ich habe doch nichts bestellt“, sagte Hanna zu sich selbst. Sie las das Etikett: *Herrn R. Okafor, Lindenstraße 12.*

— Я же ничего не заказывала, — сказала себе Ханна. Она прочитала наклейку: «Господину Р. Окафору, Линденштрассе, 12».

Hanna wohnte in Nummer 21. „Zwölf, einundzwanzig“, seufzte sie. „Typisch.“

Ханна жила в доме № 21. — Двенадцать, двадцать один, — вздохнула она. — Ну конечно.

Der Karton war schwer. Sie trug ihn langsam, mit beiden Armen, über die Straße. Nummer 12 war ein altes Haus mit einer sehr hohen Hecke und dunkelgrünen Vorhängen. Die Vorhänge waren immer zu. Hanna ging jeden Tag an diesem Haus vorbei, aber sie sah nie jemanden hineingehen oder herauskommen.

Коробка была тяжёлой. Она медленно понесла её обеими руками через дорогу. Дом № 12 был старый, с очень высокой живой изгородью и тёмно-зелёными шторами. Шторы всегда были задёрнуты. Ханна каждый день проходила мимо этого дома, но ни разу не видела, чтобы кто-нибудь входил или выходил.

Sie klingelte. Lange passierte nichts. Dann hörte sie langsame Schritte, und die Tür öffnete sich ein kleines Stück. Ein alter Mann sah heraus. Er war groß und dünn, mit weißen Haaren und Brille, und in einer Hand hatte er einen Gehstock.

Она позвонила. Долго ничего не происходило. Потом послышались медленные шаги, и дверь чуть-чуть приоткрылась. Выглянул пожилой мужчина. Высокий и худой, с седыми волосами, в очках, в одной руке — трость.

„Ja?“, sagte er.

— *Да? — сказал он.*

„Guten Tag. Ich bin Hanna, aus Nummer 21“, sagte Hanna.

„Ich glaube, das ist für Sie. Der Paketbote hat es bei mir abgestellt.“

— *Добрый день. Я Ханна из двадцать первого дома, — сказала Ханна. — Кажется, это вам. Курьер оставил её у меня.*

Der alte Mann sah den Karton an, und sein Gesicht veränderte sich völlig. „Mein Teleskop!“, sagte er. „Ich warte schon drei Wochen darauf! Die Firma hat gesagt, sie haben es geliefert. Ich habe fünfmal angerufen.“

Пожилый мужчина посмотрел на коробку, и лицо у него совершенно изменилось. — Мой телескоп! — сказал он. — Я жду его уже три недели! В фирме сказали, что доставили. Я звонил пять раз.

„Drei Wochen?“, sagte Hanna. „Aber ich habe es erst heute bekommen.“

— *Три недели? — сказала Ханна. — Но мне его принесли только сегодня.*

„Dann hat die Firma eine komische Vorstellung von Zeit“, sagte er und lachte. Es war ein tiefes, warmes Lachen. „Kommen Sie doch herein. Sie haben den schweren Karton über die ganze Straße getragen. Eine Tasse Tee ist das Mindeste. Ich bin Robert. Robert Okafor.“

— *Значит, у фирмы странные представления о времени,*

— сказал он и рассмеялся. Смех у него был низкий и тёплый.
— Заходите же. Вы несли эту тяжёлую коробку через всю улицу. Чашка чая — это самое меньшее. Я Роберт. Роберт Окафор.

Drinnen war das Haus voller Bücher. Bücher in den Regalen, Bücher auf den Stühlen, Bücher auf dem Boden. An den Wänden hingen alte Karten — aber keine Karten von Ländern. Es waren Karten vom Nachthimmel, mit Sternen und Planeten und Linien dazwischen.

Внутри дом был полон книг. Книги на полках, книги на стульях, книги на полу. На стенах висели старые карты — но не карты стран. Это были карты ночного неба, со звёздами, планетами и линиями между ними.

„Ich war vierzig Jahre Physiklehrer“, sagte Robert, als er ihr Gesicht sah. „Am Gymnasium hier um die Ecke. Die Sterne waren immer mein Lieblingsthema.“

— Я сорок лет был учителем физики, — сказал Роберт, заметив её взгляд. — В гимназии тут за углом. Звёзды всегда были моей любимой темой.

Sie tranken Tee in der Küche. Robert erzählte von der Schule, von seinen Schülern und von einem Kometen im Jahr 1997. Er kam als junger Mann aus Nigeria nach Bremen, zum Studium, und dann blieb er einfach. Hanna erzählte von ihrer Arbeit und von ihrer Familie in Hannover. Mit ihm konnte man leicht sprechen. Er hörte gut zu und stellte gute Fragen.

Они пили чай на кухне. Роберт рассказывал о школе, об

учениках и о комете 1997 года. Он приехал в Бремен из Нигерии молодым человеком, учиться, да так и остался. Ханна рассказывала о своей работе и о семье в Ганновере. С ним было легко разговаривать. Он внимательно слушал и задавал хорошие вопросы.

„Hatten Sie früher schon ein Teleskop?“, fragte Hanna.

— У вас раньше был телескоп? — спросила Ханна.

Robert sah aus dem Fenster. „Ja. Ein altes. Meine Frau Gisela und ich haben jede klare Nacht zusammen die Sterne angesehen. Im Garten, mit einer Thermoskanne heißer Schokolade.“ Er war einen Moment still. „Gisela ist vor zwei Jahren gestorben. Danach habe ich das alte Teleskop der Schule geschenkt. Allein wollte ich nicht mehr in den Himmel sehen.“

Роберт посмотрел в окно. — Да. Старый. Мы с женой, Гизелой, смотрели на звёзды вместе каждую ясную ночь. В саду, с термосом горячего шоколада. — Он помолчал. — Гизела умерла два года назад. После этого я подарил старый телескоп школе. Одному мне больше не хотелось смотреть на небо.

„Das tut mir leid“, sagte Hanna leise.

— Мне очень жаль, — тихо сказала Ханна.

„Mein Enkel hat das neue für mich bestellt“, sagte Robert. „Er hat gesagt: ‚Opa, es ist Zeit.‘ Vielleicht hat er recht.“ Er sah den großen Karton an. „Aber ich weiß nicht, ob ich es zusammenbauen kann. Meine Hände sind nicht mehr so gut.“

— Новый мне заказал внук, — сказал Роберт. — Он ска-

зал: «Дедушка, пора». Может, он и прав. — Он посмотрел на большую коробку. — Но не знаю, смогу ли я его собрать. Руки у меня уже не те.

„Ich kann helfen“, sagte Hanna. Sie war selbst überrascht. „Anleitungen lesen kann ich gut.“

— Я могу помочь, — сказала Ханна. Она сама удивилась своим словам. — Я хорошо разбираюсь в инструкциях.

Sie öffneten den Karton auf dem Wohnzimmerboden. Es gab viele Teile: ein langes weißes Rohr, drei Metallbeine, kleine Spiegel, viele Schrauben. Hanna las die Anleitung, und Robert erklärte, wofür jedes Teil war. Es dauerte zwei Stunden. Am Ende stand ein schönes weißes Teleskop mitten im Zimmer.

Они открыли коробку прямо на полу в гостиной. Деталей было много: длинная белая труба, три металлических ножки, маленькие зеркала, куча винтиков. Ханна читала инструкцию, а Роберт объяснял, для чего нужна каждая деталь. Это заняло два часа. В конце посреди комнаты стоял красивый белый телескоп.

Robert berührte es vorsichtig. „Haben Sie das Wetter gesehen?“, sagte er. „Heute Nacht gibt es keine Wolken. Das passiert in Bremen nicht oft.“ Er sah Hanna an. „Haben Sie heute Abend schon etwas vor?“

Роберт осторожно погладил его. — Видели, какая погода? — сказал он. — Сегодня ночью ни облачка. В Бремене такое бывает нечасто. — Он посмотрел на Ханну. — У вас на сегодняшний вечер уже есть планы?

Um zehn Uhr trugen sie das Teleskop in den Garten hinter dem Haus. Die Nacht war kalt und sehr klar. Robert machte heiße Schokolade in einer alten roten Thermoskanne. Dann richtete er das Teleskop auf einen kleinen, hellen Punkt im Süden und bewegte es ganz vorsichtig ein bisschen.

В десять часов они вынесли телескоп в сад за домом. Ночь была холодной и очень ясной. Роберт сделал горячий шоколад в старом красном термосе. Потом навёл телескоп на маленькую яркую точку на юге и очень осторожно чуть-чуть его подвинул.

„Da“, sagte er. „Schauen Sie mal.“

— *Вот, — сказал он. — Взгляните.*

Hanna sah durch das Teleskop. Zuerst sah sie nur Dunkelheit. Dann sah sie es — eine kleine gelbe Kugel mit einem Ring. Einem echten Ring, dünn und perfekt, wie in einem Kinderbuch.

Ханна посмотрела в телескоп. Сначала она видела только темноту. А потом увидела его — маленький жёлтый шарик с кольцом. Настоящим кольцом, тонким и безупречным, как в детской книжке.

„Ist das...“

— *Это...*

„Saturn“, sagte Robert. „Etwa eine Milliarde und zweihundert Millionen Kilometer von Ihrer Straße entfernt.“

— *Сатурн, — сказал Роберт. — Примерно в миллиарде двухстах миллионах километров от вашей улицы.*

Hanna sagte nur leise: „Oh...“ Sie sah und sah. Sie war

neunundzwanzig. Ihr ganzes Leben lang lebte sie unter diesem Himmel — und sie wusste nicht, dass Saturn jede Nacht da oben war, direkt über der Lindenstraße.

Ханна только тихо выдохнула: «Ох...» Она смотрела и смотрела. Ей было двадцать девять. Всю жизнь она прожила под этим небом — и не знала, что Сатурн каждую ночь там, наверху, прямо над Линденитрассе.

Als sie endlich hochsah, lächelte Robert. Seine Augen waren ein bisschen nass.

Когда она наконец оторвалась от телескопа, Роберт улыбался. Глаза у него были немного влажными.

„Gisela hat genau dasselbe Geräusch gemacht“, sagte er. „Beim ersten Mal. Genau dasselbe.“

— Гизела издала точно такой же звук, — сказал он. — В первый раз. В точности такой же.

Sie blieben bis Mitternacht im Garten. Robert zeigte ihr den Jupiter mit seinen vier kleinen Monden und eine Gruppe von Sternen mit dem Namen „Siebengestirn“. Als Hanna endlich über die Straße nach Hause ging, sah sie die ganze Zeit nach oben.

Они пробыли в саду до полуночи. Роберт показал ей Юпитер с его четырьмя маленькими лунами и звёздное скопление Плеяды — по-немецки его называют «Семизвездие». Когда Ханна наконец пошла домой через дорогу, она всё время смотрела вверх.

Am nächsten Dienstag klopfte sie mit einem Zitronenkuchen

an die Tür von Nummer 12.

В следующий вторник она постучала в дверь дома № 12 с лимонным кексом в руках.

„Laut Wetterbericht gibt es heute Nacht keine Wolken“, sagte sie.

— *По прогнозу сегодня ночью ни облачка, — сказала она.*

Robert öffnete die Tür weit. Die dunkelgrünen Vorhänge im Wohnzimmer waren jetzt offen. „Ich weiß“, sagte er. „Die heiße Schokolade ist schon fertig.“

Роберт широко распахнул дверь. Тёмно-зелёные шторы в гостиной теперь были раздвинуты. — Знаю, — сказал он. — Горячий шоколад уже готов.

Neue Wörter / Новые слова

das Paket, -e — посылка

der Paketbote — курьер (почтовый)

das Etikett — наклейка, ярлык

die Hecke — живая изгородь

der Gehstock — трость

das Mindeste — самое меньшее

die Thermoskanne — термос

zusammenbauen (er baut es zusammen) — собирать (из деталей)

die Schraube, -n — винт, шуруп

etwas vorhaben (Haben Sie etwas vor?) — планировать
(У вас есть планы?)

der Wetterbericht — прогноз погоды

die Wolke, -n — облако

DAY 5

Die Führerscheinprüfung

Raj war achtunddreißig Jahre alt, und er konnte nicht Auto fahren. Raj ist in Berlin aufgewachsen, und dort brauchte er nie ein Auto. Es gab die U-Bahn, die S-Bahn und Busse. Aber vor zwei Jahren zog er mit seiner Frau Anjali und den zwei Kindern in eine kleine Stadt bei Lüneburg. Dort fuhr nur einmal pro Stunde ein Bus, und am Sonntag fuhr gar keiner.

Раджу было тридцать восемь лет, и он не умел водить машину. В Берлине, где он вырос, машина ему никогда не была нужна. Там были метро, электрички и автобусы. Но два года назад он с женой Анджали и двумя детьми переехал в маленький городок под Люнебургом. Автобус там ходил раз в час, а по воскресеньям не ходил вообще.

„Du musst es lernen“, sagte Anjali. „Ich kann nicht für den Rest meines Lebens alle überallhin fahren.“

— *Тебе нужно научиться, — сказала Анджали. — Я не могу всю оставшуюся жизнь всех везде возить.*

Also lernte Raj. In Deutschland ist das nicht so einfach: Man braucht viele Fahrstunden, eine Theorieprüfung und eine praktische Prüfung, und alles ist teuer. Raj hatte jeden Samstag Fahrstunde bei Uwe — einem großen, ruhigen Mann. Uwe trank

viel Kaffee und schrie nie. Nach sechs Monaten machte Raj seine erste praktische Prüfung.

И Радж стал учиться. В Германии это не так просто: нужно много уроков вождения, экзамен по теории и практический экзамен, и всё это дорого. Каждую субботу у Раджа был урок с Уве — крупным спокойным мужчиной. Уве пил много кофе и никогда не кричал. Через полгода Радж пошёл на свой первый практический экзамен.

Er ist durchgefallen. Er war so nervös, dass er dreimal um einen Kreisverkehr fuhr. Er fand die richtige Ausfahrt einfach nicht.

Он провалился. Он так нервничал, что трижды объехал кольцевую развязку. Он просто не мог найти нужный съезд.

Vier Monate später machte er die Prüfung noch einmal. Diesmal vergaß er vor dem Abbiegen den Blick in den Spiegel, und ein Radfahrer rief ihm etwas sehr Unhöfliches hinterher. Wieder durchgefallen.

Через четыре месяца он сдавал экзамен снова. На этот раз он забыл посмотреть в зеркало перед поворотом, и велосипедист крикнул ему вслед что-то очень грубое. Снова провал.

„Aller guten Dinge sind drei“, sagte Uwe. „Du bist ein guter Fahrer, Raj. Du musst nur ruhig bleiben. Egal was passiert: ruhig bleiben.“

— Бог любит троицу, — сказал Уве. — Ты хороший водитель, Радж. Тебе просто нужно сохранять спокойствие.

Что бы ни случилось — сохраняй спокойствие.

Die dritte Prüfung war an einem Freitagmorgen im April. Als Raj aufwachte, regnete es. Nicht ein bisschen — sehr stark. Es regnete so stark, dass er den Garten kaum sehen konnte.

Третья попытка выпала на пятничное утро в апреле. Когда Радж проснулся, шёл дождь. Не просто дождик — настоящий ливень. Лило так, что сад едва было видно.

„Perfekt“, sagte Raj.

— *Прекрасно*, — сказал Радж.

Seine Tochter Priti war neun. Sie gab ihm einen kleinen Spielzeugelefanten. „Der bringt Glück, Papa“, sagte sie. „Steck ihn in die Tasche.“ Sein Sohn Arjun war sechs. Er umarmte ihn und gab ihm ein Marmeladenbrot. Ein bisschen Marmelade landete auf Rajs Hemd.

Его дочери Прити было девять. Она дала ему маленького игрушечного слоника. — На удачу, пап, — сказала она. — Положи в карман. Сыну Арджуну было шесть. Он обнял папу и дал ему хлеб с вареньем. Немного варенья оказалось у Раджа на рубашке.

Die Prüferin war eine Frau von ungefähr sechzig Jahren, Frau Hartmann. Sie hatte kurze graue Haare und ein Klemmbrett, und sie lächelte nicht.

Экзамен принимала женщина лет шестидесяти, фрау Хартман. У неё были короткие седые волосы и папка-планшет, и она не улыбалась.

„Guten Morgen, Herr Sharma“, sagte sie. „Bitte fahren Sie

los, wenn Sie bereit sind.“

— *Доброе утро, господин Шарма, — сказала она. — Пожалуйста, трогайтесь, когда будете готовы.*

Raj stellte die Spiegel ein. Er machte den Sicherheitsgurt zu. Er berührte den kleinen Elefanten in seiner Tasche. Dann startete er den Motor.

Радж настроил зеркала. Пристегнул ремень безопасности. Потрогал маленького слоника в кармане. Потом завёл двигатель.

Die ersten zehn Minuten liefen gut. Raj fuhr langsam und vorsichtig durch die nassen Straßen. Er hielt an jeder roten Ampel. Er sah jedes Mal in den Spiegel. Er fuhr nur einmal um den Kreisverkehr und nahm die richtige Ausfahrt. Frau Hartmann schrieb etwas auf ihr Klemmbrett, aber ihr Gesicht zeigte nichts.

Первые десять минут прошли хорошо. Радж медленно и аккуратно ехал по мокрым улицам. Останавливался на каждом красном светофоре. Каждый раз смотрел в зеркало. Объехал кольцо только один раз и свернул на нужный съезд. Фрау Хартман что-то записывала в планишет, но её лицо ничего не выражало.

„Am Ende der Straße bitte links“, sagte sie.

— *В конце улицы, пожалуйста, налево, — сказала она.*

Raj bog links ab — und hielt sofort an. Mitten auf der Straße lief eine Entenfamilie: eine Entenmutter und sieben kleine Küken. Sie gingen sehr langsam von einer Straßenseite zur

anderen. Sie wollten zum Fluss.

Радж повернул налево — и тут же остановился. Посреди дороги шло утиное семейство: утка и семеро маленьких утят. Они очень медленно переходили с одной стороны улицы на другую. Они шли к реке.

Hinter Raj hupte ein Mann in einem großen schwarzen Auto. Raj bewegte sich nicht. Er wartete. Ein Küken blieb mitten auf der Straße stehen und sah das Auto an. Raj wartete. Das Küken setzte sich hin. Raj wartete. Der Mann hinter ihm hupte noch einmal.

Сзади засигналил мужчина в большой чёрной машине. Радж не двигался. Он ждал. Один утёнок остановился посреди дороги и посмотрел на машину. Радж ждал. Утёнок сел. Радж ждал. Мужчина сзади снова засигналил.

„Ruhig bleiben“, sagte Raj leise zu sich selbst. „Egal was passiert: ruhig bleiben.“

— Спокойно, — тихо сказал себе Радж. — Что бы ни случилось — спокойно.

Endlich stand das Küken auf und lief seiner Familie hinterher. Raj fuhr weiter. Frau Hartmann schrieb etwas auf ihr Klemmbrett.

Наконец утёнок встал и побежал догонять семью. Радж поехал дальше. Фрау Хартман что-то записала в планшет.

Fünf Minuten später fuhren sie durch die Innenstadt. Da hörte Raj lautes Hupen. Dann sah er es: eine lange Reihe Autos mit weißen Bändern und Blumen. Ganz vorne ein altes rotes Cabrio

mit einer Braut und einem Bräutigam. Ein Hochzeitskorso! In Deutschland fahren die Gäste nach der Trauung oft so durch die Stadt, alle zusammen, und alle hupen. Und der ganze Corso fuhr direkt vor Raj, sehr langsam, durch die enge Straße.

Через пять минут они ехали через центр городка. И тут Радж услышал громкие гудки. А потом увидел: длинную вереницу машин с белыми лентами и цветами. Впереди всех — старый красный кабриолет с невестой и женихом. Свадебный кортеж! В Германии гости после регистрации часто так едут через город, все вместе, и все гудят. И весь кортеж ехал прямо перед Раджем, очень медленно, по узкой улице.

Die Braut winkte ihm durch den Regen zu. Raj winkte zurück. Er konnte nicht anders.

Невеста помахала ему сквозь дождь. Радж помахал в ответ. Он не смог удержаться.

„Herr Sharma“, sagte Frau Hartmann. „Bitte beide Hände ans Lenkrad.“

— *Господин Шарма, — сказала фрау Хартман. — Пожалуйста, обе руки на руль.*

„Entschuldigung“, sagte Raj.

— *Простите, — сказал Радж.*

Der Corso bog ab. Sie fuhren weiter. Jetzt sollte Raj zwischen zwei Autos einparken — das Schwierigste bei der ganzen Prüfung. Raj sah in den Spiegel und drehte ganz langsam das Lenkrad. Da klopfte jemand an sein Fenster.

Кортеж свернул. Они поехали дальше. Теперь Раджу

нужно было припарковаться между двумя машинами — самое трудное задание на всём экзамене. Радж смотрел в зеркало и очень медленно поворачивал руль. И тут кто-то постучал ему в окно.

Er drehte den Kopf. Ein Gorilla sah ihn an.

Он повернул голову. На него смотрела горилла.

Natürlich kein echter Gorilla. Es war ein Mann in einem Gorillakostüm, mit einer Spendendose in der Hand. Auf der Dose stand: *SPENDENLAUF — FÜR DAS KINDERKRANKENHAUS!*

Не настоящая горилла, конечно. Это был мужчина в костюме гориллы, с копилкой для пожертвований в руке. На копилке было написано: «БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ЗАБЕГ — ДЛЯ ДЕТСКОЙ БОЛЬНИЦЫ!»

Eine Sekunde lang blieb Rajs Herz stehen. Dann — er wusste nicht, warum — lachte er. Er lachte so sehr, dass seine Augen nass wurden. Enten, eine Hochzeit und jetzt ein Gorilla. Und es war erst halb elf am Vormittag.

На секунду у Раджа остановилось сердце. А потом — он и сам не знал почему — он засмеялся. Он смеялся так, что на глазах выступили слёзы. Утки, свадьба, а теперь ещё и горилла. И всё это к половине одиннадцатого утра.

Dann lachte er nicht mehr. Er sah in den Spiegel, drehte das Lenkrad und parkte ein. Perfekt. Genau zwischen den zwei Autos, nicht zu nah an dem einen und nicht zu nah an dem anderen.

Он перестал смеяться, посмотрел в зеркало, повернул руль и припарковался. Идеально. Ровно между двумя машинами, не слишком близко ни к одной из них.

Der Gorilla zeigte ihm den Daumen nach oben und ging weiter.

Горилла показала ему большой палец и пошла дальше.

Sie fuhren schweigend zurück. Raj machte den Motor aus. Jetzt zitterten seine Hände ein bisschen. Frau Hartmann sah lange auf ihr Klemmbrett.

Обратно они ехали молча. Радж заглушил двигатель. Теперь руки у него слегка дрожали. Фрау Хартман долго смотрела в свой планишет.

„Herr Sharma“, sagte sie endlich. „Ich mache diesen Job seit zweiundzwanzig Jahren. Enten, eine Hochzeit und ein Gorilla in einer Prüfung — das hatte ich noch nie.“

— *Господин Шарма, — наконец сказала она. — Я двадцать два года принимаю экзамены. Утки, свадьба и горилла на одном экзамене — такого у меня ещё не было.*

„Entschuldigung“, sagte Raj.

— *Простите, — сказал Радж.*

„Sie müssen sich nicht entschuldigen“, sagte Frau Hartmann. Und dann lächelte sie zum ersten Mal. „Sie sind ruhig geblieben. Das ist das Wichtigste für einen Autofahrer. Herzlichen Glückwunsch. Sie haben bestanden.“

— *Вам не за что извиняться, — сказала фрау Хартман. И тут впервые улыбнулась. — Вы сохранили спокойствие.*

Для водителя это самое важное. Поздравляю. Вы сдали.

Raj saß einen Moment ganz still. Dann nahm er den kleinen Elefanten aus der Tasche und küsste ihn.

Радж какое-то время сидел не шевелясь. Потом достал из кармана слоника и поцеловал его.

Frau Hartmann sah den Elefanten an. Dann sah sie die Marmelade auf seinem Hemd. Sie sagte nichts. Sie schrieb nur noch etwas auf ihr Klemmbrett. Was es war, hat Raj nie erfahren.

Фрау Хартман посмотрела на слоника. Потом на варенье у него на рубашке. Она ничего не сказала. Только записала в планишет ещё что-то. Что именно, Радж так никогда и не узнал.

Am Sonntag hörte der Regen auf, und die Sonne kam heraus. Raj fuhr mit seiner Familie an die Ostsee — zwei Stunden, vier Kreisverkehre, keine Enten. Anjali saß neben ihm und las eine Zeitschrift. Kein einziges Mal sagte sie: „Spiegel!“

В воскресенье дождь кончился и выглянуло солнце. Радж повёз семью на Балтийское море — два часа, четыре кольцевые развязки, ни одной утки. Анджали сидела рядом с ним и читала журнал. Ни разу она не сказала: «Зеркало!»

Hinten sangen Priti und Arjun. Und vorne auf dem Armaturenbrett saß ein kleiner Spielzeugelefant.

Сзади пели Прити и Арджун. А впереди, на приборной панели, сидел маленький игрушечный слоник.

Neue Wörter / Новые слова

der Führerschein — водительские права

die Prüfung, -en — экзамен

durchfallen (er ist durchgefallen) — провалиться (на экзамене)

bestehen (Sie haben bestanden) — сдать (экзамен)

der Kreisverkehr — кольцевая развязка

Aller guten Dinge sind drei. — Бог любит троицу.

abbiegen (er biegt links ab) — поворачивать

hupen — сигналить, гудеть

das Küken, - — цыплёнок, утёнок

der Hochzeitskorso — свадебный кортеж

einparken — парковаться

das Lenkrad — руль

DAY 6

Faschingsdienstag

In vielen Ländern ist ein Pfannkuchen einfach ein Pfannkuchen. Aber in Deutschland ist sogar das Wort kompliziert. In Bayern ist ein Pfannkuchen dünn und flach, wie ein Blin. In Berlin ist ein „Pfannkuchen“ etwas ganz anderes: ein runder, süßer Krapfen mit Marmelade. Viele Familien streiten darüber jedes Jahr — besonders am Faschingsdienstag, dem letzten Tag vor der Fastenzeit. An diesem Tag isst man in ganz Deutschland Süßes: Krapfen, Pfannkuchen, Waffeln.

Во многих странах блин — это просто блин. Но в Германии даже само слово — сложная история. В Баварии «Pfannkuchen» — тонкий и плоский, как блин. А в Берлине «Pfannkuchen» — нечто совсем другое: круглый сладкий пончик с вареньем. Многие семьи спорят об этом каждый год — особенно на масленичный вторник, Faschingsdienstag, последний день перед постом. В этот день по всей Германии едят сладкое: пончики, блины, вафли.

Bei Familie Hoffmann im Allgäu gibt es an diesem Tag außerdem einen Wettbewerb.

А в семье Хоффман в Альгое в этот день ещё и проходят соревнования.

Die Regeln sind einfach. Jeder backt einen Pfannkuchen — einen dünnen, bayerischen, natürlich — und wirft ihn aus der Pfanne in die Luft. Der höchste Wurf gewinnt. Aber es gibt eine wichtige Regel: Der Pfannkuchen muss wieder in der Pfanne landen. Wenn er auf dem Boden landet, oder auf dem Herd, oder auf dem Hund, dann hat man verloren.

Правила простые. Каждый печёт один блин — тонкий, баварский, разумеется, — и подбрасывает его со сковороды в воздух. Побеждает самый высокий бросок. Но есть одно важное правило: блин должен приземлиться обратно на сковороду. Если он упадёт на пол, или на плиту, или на собаку — ты проиграл.

Seit einundvierzig Jahren ist Opa Dieter der Champion. Er ist jetzt achtundsiebzig, aber jedes Jahr wirft er seinen Pfannkuchen fast bis zur Decke, fängt ihn perfekt und sagt immer dasselbe: „Kinderspiel.“

Сорок один год подряд чемпионом остаётся дедушка Дитер. Ему уже семьдесят восемь, но каждый год он подбрасывает свой блин почти до потолка, идеально ловит его и говорит одно и то же: — Детская забава.

Dieses Jahr kam die ganze Familie zu Mama und Papa. Da war Mama, Karin — sie machte den Teig. Da war Papa, Stefan — sein erster Pfannkuchen war immer ein Klumpen. Da war Mia — sie war zwölf und wollte unbedingt gewinnen. Da war Krümel, der alte braune Hund — er wollte unbedingt essen. Und dieses Jahr war zum ersten Mal seit drei Jahren auch Jonas da.

В этом году вся семья собралась у мамы с папой. Была мама, Карин, — она готовила тесто. Был папа, Штефан, — у него первый блин всегда выходил комом. Была Миа — ей было двенадцать, и она во что бы то ни стало хотела победить. Был Крюмель, старый коричневый пёс, — он во что бы то ни стало хотел есть. А в этом году впервые за три года приехал и Йонас.

Jonas war sechsundzwanzig. Er war der Sohn von Karin und Stefan, und er war Grundschullehrer in Freiburg. Er kam nur für einen Abend ins Allgäu — und er hatte einen Plan.

Йонасу было двадцать шесть. Он был сыном Карин и Штефана и работал учителем начальных классов во Фрайбурге. Он приехал в Альгой всего на один вечер — и у него был план.

„Dieses Jahr“, sagte er an der Küchentür, „gewinne ich gegen Opa.“

— В этом году, — объявил он прямо с порога кухни, — я обыграю дедушку.

Opa Dieter sah ihn über seine Brille an. „Das hast du mit acht gesagt“, sagte er. „Und mit fünfzehn. Und mit zweiundzwanzig.“

Дедушка Дитер посмотрел на него поверх очков. — Ты это говорил в восемь лет, — сказал он. — И в пятнадцать. И в двадцать два.

„Ich habe geübt“, sagte Jonas. „In Freiburg. Zwei Monate lang, jeden Sonntag.“

— Я тренировался, — сказал Йонас. — Во Фрайбурге.

Два месяца, каждое воскресенье.

„Mit echten Pfannkuchen?“

— *С настоящими блинами?*

„Mit einem Geschirrtuch“, sagte Jonas. Alle lachten.

— *С кухонным полотенцем, — сказал Йонас. Все рассмеялись.*

Mama stellte die Pfanne auf den Herd, und der Wettbewerb begann. Papa war zuerst dran. Sein Pfannkuchen flog ungefähr dreißig Zentimeter hoch und landete halb in der Pfanne und halb auf dem Herd. „Sowieso ein Klumpen“, sagte er fröhlich und aß ihn.

Мама поставила сковороду на плиту, и соревнования начались. Первым был папа. Его блин взлетел сантиметров на тридцать и приземлился наполовину на сковороду, наполовину на плиту. — Всё равно комом, — радостно сказал он и съел его.

Dann war Mama dran. Ihr Pfannkuchen war wunderschön — dünn und goldbraun. Er flog schön hoch und landete wieder in der Pfanne. „Fünfundzwanzig Zentimeter“, sagte Mia. Sie hatte ein Maßband. Sie nahm ihren Job sehr ernst.

Потом настала очередь мамы. Её блин был прекрасен — тонкий и золотистый. Он красиво взлетел и опустился обратно на сковороду. — Пятьдесят сантиметров, — сказала Миа. У неё была рулетка. К своей работе она относилась очень серьёзно.

Dann kam Mia. Sie gab Jonas das Maßband, nahm die

Pfanne mit beiden Händen, machte die Augen zu und warf. Der Pfannkuchen flog hoch — höher als bei Mama — und dann kam er herunter, drehte sich einmal in der Luft, verfehlte die Pfanne und landete auf Krümel's Kopf.

Потом настала очередь Миш. Она отдала Йонасу рулетку, взяла сковороду обеими руками, зажмурилась и подбросила. Блин взлетел — выше мамино, — а потом полетел вниз, перевернулся в воздухе, промахнулся мимо сковороды и приземлился Крюмелю на голову.

Krümel bewegte sich nicht. Er sah sehr überrascht aus, und dann sehr glücklich. Nach zwei Sekunden war der Pfannkuchen weg.

Крюмель не шелохнулся. Вид у него был очень удивлённый, а потом очень счастливый. Через две секунды блина не стало.

„Das zählt nicht!“, rief Mia. „Der Hund hat sich bewegt!“
— *Это не считается!* — *закричала Миа.* — *Собака по-
двинулась!*

„Der Hund hat sich nicht bewegt“, sagte Opa. „Der Pfannkuchen hat sich bewegt. Der Nächste!“

— *Собака не двигалась,* — *сказал дедушка.* — *Двигался блин. Следующий!*

Dann war Opa dran. In der Küche wurde es still. Opa Dieter stand vor dem Herd wie ein Fußballer vor einem Elfmeter. Er sah die Pfanne an. Er sah die Decke an. Er bewegte ein bisschen die Füße. Dann — mit einer kleinen, leichten Bewegung — warf

er. Der Pfannkuchen flog hoch, hoch, hoch, fast bis zur Decke, drehte sich langsam und landete genau in der Mitte der Pfanne. Perfekt.

Потом пришёл черёд дедушки. В кухне стало тихо. Дедушка Дитер встал перед плитой, как футболист перед пенальти. Посмотрел на сковороду. Посмотрел на потолок. Чуть переступил ногами. А потом — небольшим лёгким движением — подбросил. Блин взлетел вверх, вверх, вверх, почти до потолка, медленно перевернулся и опустился точно в центр сковороды. Идеально.

„Kinderspiel“, sagte Opa.

— *Детская забава*, — сказал дедушка.

„Zwei Meter zehn“, sagte Jonas leise mit dem Maßband. Dann nahm er die Pfanne. „Jetzt ich.“

— *Два метра десять*, — тихо сказал Йонас с рулеткой в руках. Потом взял сковороду. — *Теперь я.*

Alle sahen zu. Jonas backte einen großen Pfannkuchen, den größten des Abends. Er hielt die Pfanne mit beiden Händen. Er ging in die Knie. Er atmete tief ein.

Все смотрели. Йонас испёк большой блин — самый большой за вечер. Он взял сковороду обеими руками. Присел. Глубоко вдохнул.

„Jonas“, sagte Mama. „Nicht zu...“

— *Йонас*, — сказала мама. — *Только не слишком...*

Aber es war zu spät. Jonas warf mit aller Kraft. Der Pfannkuchen flog nach oben wie eine Rakete — und kam nicht

wieder herunter.

Но было уже поздно. Йонас подбросил изо всех сил. Блин взлетел, как ракета, — и не упал обратно.

Alle sahen nach oben. Der Pfannkuchen klebte an der Decke. Flach und rund, direkt über dem Herd, wie ein komischer gelber Mond.

Все подняли головы. Блин прилип к потолку. Плоский и круглый, прямо над плитой, как странная жёлтая луна.

Einen Moment lang sagte niemand etwas. Dann lachte Mia los, dann Papa, dann Mama, und dann sogar Opa. Sie lachten Tränen. Krümel saß unter dem Pfannkuchen und sah mit großer Hoffnung nach oben.

Секунду никто не говорил ни слова. Потом засмеялась Миа, за ней папа, потом мама, а потом даже дедушка. Они хохотали до слёз. Крюмель сидел под блином и смотрел вверх с огромной надеждой.

„Na ja“, sagte Jonas, „er ist auf jeden Fall der höchste.“

— Ну, — сказал Йонас, — он точно выше всех.

„Aber er ist nicht in der Pfanne gelandet“, sagte Mia. „Regel ist Regel.“

— Но он не приземлился на сковороду, — сказала Миа.

— Правила есть правила.

„Er ist noch gar nicht gelandet“, sagte Jonas. „Vielleicht landet er später in der Pfanne.“

— Он ещё вообще никуда не приземлился, — сказал Йонас. — Может, он приземлится на сковороду попозже.

Sie ließen ihn dort. Sie backten noch viele Pfannkuchen — mit Zucker und Zimt, mit Apfelmus, mit Schokolade — und aßen sie am großen Küchentisch. Sie sprachen über Jonas' Schule in Freiburg, über Mias Fußballmannschaft und über das Jahr 1987, als Opa einen Pfannkuchen aus dem Fenster warf. Und alle paar Minuten sah jemand zur Decke hoch und lachte wieder.

Его оставили там. Напекли ещё кучу блинов — с сахаром и корицей, с яблочным пюре, с шоколадом — и ели их за большим кухонным столом. Говорили о школе Йонаса во Фрайбурге, о футбольной команде Миш и о 1987 годе, когда дедушка выбросил блин прямо в окно. И каждые несколько минут кто-нибудь поднимал глаза к потолку и снова смеялся.

Um zehn Uhr stand Opa auf. Er wollte noch einen letzten Tee machen. Er ging zum Herd. Und genau in diesem Moment fiel der Pfannkuchen von der Decke.

В десять часов дедушка встал. Он хотел заварить последний чай. Он подошёл к плите. И в эту самую секунду блин отклеился от потолка.

Er fiel langsam — und landete genau auf Opas Kopf.

Он упал медленно — и приземлился точно дедушке на голову.

Opa stand ganz still. Der Pfannkuchen lag auf seinen weißen Haaren wie ein gelber Hut. Alle hielten den Atem an.

Дедушка застыл. Блин лежал на его седых волосах, как жёлтая шляпа. Все затаили дыхание.

Dann nahm Opa Dieter seine Brille ab, sah seine Familie an und sagte ernst: „Regel ist Regel. Er muss in einer Pfanne landen.“ Er machte eine Pause. „Und dieser alte Kopf ist die beste Pfanne in der Familie. Jonas hat gewonnen.“

Тогда дедушка Dieter снял очки, посмотрел на семью и серьёзно сказал: — Правила есть правила. Блин должен приземлиться на сковороду. — Он помолчал. — А эта старая голова — лучшая сковорода в семье. Йонас победил.

Jonas hat das Foto jetzt auf seinem Handy. Opa mit einem Pfannkuchen auf dem Kopf, mit dem breitesten Lächeln im ganzen Allgäu. Darunter hat Mia geschrieben: *Neuer Champion. Aber nächstes Jahr bin ICH dran.*

Теперь у Йонаса в телефоне есть эта фотография. Дедушка с блином на голове и с самой широкой улыбкой во всём Альгое. Под ней Миа подписала: «Новый чемпион. Но в следующем году — МОЯ очередь».

Neue Wörter / Новые слова

der Faschingsdienstag — масленичный вторник (последний день карнавала)

die Fastenzeit — пост

der Pfannkuchen, - — блин (в Берлине — пончик)

der Krapfen, - — пончик

der Wettbewerb — соревнование

werfen (er wirft, er warf) — бросать

landen — приземляться

die Decke — потолок (и одеяло)

der Teig — тесто

das Maßband — рулетка

kleben — клеиться, прилипать

den Atem anhalten (sie hielten den Atem an) — затаить

дыхание

DAY 7

Die Buchladenkatze

Der Buchladen hieß „Zweites Kapitel“. Er lag in einer schmalen alten Gasse in Bamberg, zwischen einem Käseladen und einem Laden für Regenschirme. Drinnen roch es nach altem Papier und nach Kaffee. Die Bücher standen vom Boden bis zur Decke, und manche Regale waren so hoch, dass man eine Leiter brauchte.

Книжный магазин назывался «Вторая глава». Он находился в узком старинном переулке в Бамберге, между сырной лавкой и магазином зонтов. Внутри пахло старой бумагой и кофе. Книги стояли от пола до потолка, а некоторые полки были такими высокими, что без стремянки не достать.

Und auf der Theke, neben der alten Kasse, lag meistens ein großer roter Kater. Er hieß Tolstoi.

А на прилавке, рядом со старой кассой, обычно лежал большой рыжий кот. Его звали Толстой.

„Warum Tolstoi?“, fragte Ida an ihrem ersten Tag.

— *Почему Толстой? — спросила Ида в свой первый рабочий день.*

„Weil er groß ist, weil seine Mutter eine Russisch Blau war und weil man ihn nie bis zum Ende schafft“, sagte Herr Albrecht,

der Besitzer. Herr Albrecht war ungefähr siebzig. Er trug eine Strickjacke mit Löchern an den Ellenbogen, und er lachte über seine eigenen Witze, schon bevor er sie zu Ende erzählte.

— Потому что он большой, потому что мама у него была русская голубая и потому что его никогда не осилить до конца, — сказал господин Альбрехт, хозяин магазина. Господину Альбрехту было лет семьдесят. Он носил вязаную кофту с дырками на локтях и смеялся над собственными шутками, не успев их договорить.

Ida war neunzehn. Letzten Sommer fingen alle ihre Freundinnen mit dem Studium an. Ida nicht. Sie wusste nicht, was sie studieren wollte. Und sie wollte nicht drei Jahre und viel Geld in das falsche Fach stecken. Also arbeitete sie jetzt vier Tage pro Woche im Buchladen, und in der restlichen Zeit wusste sie nicht so richtig, was sie mit sich anfangen sollte.

Иде было девятнадцать. Прошлым летом все её подруги поступили в университет. Ида — нет. Она не знала, что хочет изучать. И не хотела тратить три года и кучу денег не на ту специальность. Поэтому теперь она четыре дня в неделю работала в книжном, а в остальное время толком не знала, чем себя занять.

Schon in der ersten Woche merkte sie etwas Seltsames an Tolstoi.

Уже в первую неделю она заметила в Толстом кое-что странное.

Meistens schlief der Kater auf der Theke. Er schlief viel —

ungefähr zwanzig Stunden am Tag. Aber manchmal, wenn ein Kunde hereinkam, öffnete Tolstoi die Augen. Er beobachtete den Kunden eine Weile. Dann sprang er von der Theke, ging langsam an den Regalen entlang, sprang hoch und legte sich auf ein Buch. Und er bewegte sich nicht mehr, bis der Kunde dieses Buch in die Hand nahm.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.